

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47)

“Three Fights at Prokhorovka” in July of Nineteen Forty Two...*

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Researcher

Abstract. Few tank fights took place at the southern flank of Soviet-German front. They can be compared to tank fight at Prokhorovka on 12-13 July, 1943. The article tells about the three fights at Prokhorovka in July of nineteen forty two.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet-German front; tank fights in summer of 1942.

Введение. В июле 1942 года на южном крыле советско-германского фронта произошло три крупных танковых сражения, по количеству бронетехники и личного состава вполне сопоставимых с всемирно известным танковым сражением под Прохоровкой 12-13 июля 1943 года в ходе битвы на Курской дуге. В отличие от Прохоровки 1943 года, «Прохоровки 1942 года» исследованы недостаточно. Нет анализа причин огромных потерь танковых войск РККА в этих сражениях, недостаточно прослеживается главное – к лету сорок второго, а не к лету сорок третьего, вермахт получил качественное превосходство в средствах противотанкового вооружения и создал структуры, позволяющие эффективно бороться с советским количественным превосходством в танках.

Материалы и методы. В данной статье рассматриваются ход и результаты трех танковых сражений на южном крыле советско-германского фронта в июле 1942 года; дан краткий анализ причин огромных потерь в бронетехнике войск Брянского и Сталинградского (1-го формирования) фронтов. Источниковая база данного исследования включает архивные материалы, мемуарную литературу, сетевые ресурсы Интернета [1-13].

Обсуждение. Первая «Прохоровка 1942 года» состоялась 30 июня – 3 июля на левом фланге Брянского фронта в полосе 13-й и 40-й армий. В четырех отдельных танковых бригадах и пяти танковых корпусах Брянского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), принявших участие в танковом сражении, на 28 июня числилось **968** танков, в том числе 145 КВ и 351 Т-34, а также 43 МК-3 «Валентайн» и 2 МК-2 «Матильда». Остальные 427 танков были легкими типа БТ, Т-60, Т-70 [1]. Имея сведения разведки, что в полосе Брянского фронта располагаются мощные советские бронетанковые соединения, германское командование максимально насытило свои войска модернизированной техникой, **способной на равных бороться с Т-34 и КВ.** В составе 4-й танковой армии армейской группы «Вейхс» имелось 76 танков Т-4 с 75-мм длинноствольной пушкой KwK 40 (длиной 43 калибра). В ходе июльских боев в танковые части вермахта на юге стали поступать средние танки Т-4 (Ausf.G) с еще более мощной 75-мм пушкой KwK L48 (длиной

* Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в исторической памяти Юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012-2014 гг.

48 калибров). В дивизионе штурмовых орудий мотодивизии «Великая Германия» две батареи (14 единиц) оснащались новыми модификациями САУ StuG III Ausf.F (длина ствола 75-мм пушки – 43 калибра) или StuG III Ausf.F8 (длина ствола 75-мм пушки – 48 калибров). Моторизованные дивизии в составе своих танко-истребительных дивизионов имели по батарее самоходных истребителей танков «Мардер II», с 76,2-мм советской трофейной пушкой Ф-22, (Рак 36(г) с длиной ствола – 54,8 калибра). В моторизованной дивизии «Великая Германия» по одной батарее из 9 САУ было в каждом из двух пехотных полков дивизии. Вместе с 315 танками Т-3 модификаций J и M с 50-мм длинноствольными пушками KwK L/60, немецкая танковая группировка являлась грозной силой. Всего в 4-й танковой армии вермахта вместе с приданными соединениями насчитывалось около 250 тыс. человек, 799 орудий полевой артиллерии, 378 противотанковых пушек, 252 миномета, а также 828 зенитных орудий всех калибров. Ударную силу составляли **733** танка и около **70** штурмовых орудий.

28 июня 1942 года немцы начали наступательную операцию «Блау» в полосе обороны 13-й и 40-й армий Брянского фронта. К исходу дня немецкие соединения продвинулись на 10–12 км. Исходя из оперативных сводок армий, командование фронта вечером 28 июня стало принимать меры по противодействию немецкому наступлению. Войска 13-й и 40-й армий получили приказы об удержании оборонительных полос. 40-ю армию усилили двумя отдельными танковыми бригадами из резерва фронта: 115-й (8 KB, 20 Т-34, 20 Т-60) и 116-й (8 KB, 18 Т-34, 20 Т-60). На рубеж реки Кшень, на стык 13-й и 40-й армий, выдвигался 16-й танковый корпус, а западнее реки, на левый фланг 13-й армии – 1-й танковый корпус. Беспокойство за положение на воронежском направлении проявила Ставка ВГК. По ее директиве из состава Юго-Западного фронта передавались 4-й и 24-й танковые корпуса, выдвигающиеся в район Старого Оскола. Из резерва Ставки ВГК поступал 17-й танковый корпус, двигавшийся от Воронежа к Касторное [2]. Силы сторон были примерно равны. Однако и командование фронта, и командующие армиями не сумели грамотно использовать прибывающие резервы, так как весьма смутно представляли себе реальную текущую обстановку. Участок главного удара противника определился, но его силы, группировка и замыслы не были раскрыты, поскольку не имелось ни пленных, ни документов. Наша воздушная разведка оказалась полностью вытесненной из района боевых действий и не дала никаких данных о передвижениях немцев. Командные пункты управления находились в 70–100 км от войск, поэтому прибывающим соединениям и частям задачи ставились по карте или по телефону, в лучшем случае через офицеров связи. Несмотря на то что ситуация на фронте ухудшалась с каждым часом, командование Брянского фронта пребывало в состоянии странной эйфории и считало, что, теперь «задавит» противника мощным «танковым кулаком». Для разгрома прорвавшегося врага командование Брянского фронта готовило два удара. С севера, из района Ливны, нанести удар должны были 1-й и 16-й танковые корпуса, а навстречу им, из района Горшечное – 4-й, 17-й и 24-й танковые корпуса. И в Ставке и в штабе фронта считали, что такими силами Брянский фронт сможет разгромить прорвавшуюся немецкую группировку и восстановить положение.

Три танковых корпуса, наступавшие из района Горшечное, объединялись в оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Я.Н. Федоренко – начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии, специально прибывшего на фронт для оказания помощи в организации действий танковых соединений. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Голиков получил от начальника Генштаба РККА распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «...запомните хорошенько, у вас теперь на фронте около 1000 танков, а у противника нет и 500 танков. Это первое. Второе – на фронте действия трех танковых дивизий у вас собралось более 500 танков, а у противника 300–400 танков самое большее. Все теперь зависит от вашего умения использовать эти силы и управлять ими по-человечески...» [3]. К сожалению, умения управлять и использовать концентрировано пять танковых корпусов и четыре отдельных танковых бригады ни командованию фронта, ни начальнику главного автобронетанкового управления еще не доставало. Массированной атаки трех танковых корпусов оперативной группы Федоренко в районе Горшечное не получилось. Вместо трех корпусов и двух отдельных бригад против 48-го танкового корпуса противника дрались только отдельные подразделения и бригады из 4-го и 17-го танковых корпусов. В полосе 13-й

армии генерала Н.И. Пухова попытки 24-й танкового корпуса вермахта в составе 9-й, 11-й танковых и 3-й моторизованной дивизий продвинуться на север 29–30 июня успешно отражались. 1-й и 16-й танковые корпуса, введенные в бой южнее Ливны, действовали как общевойсковые соединения и, опасаясь за фланги и тылы, не предпринимали наступательных операций. 1 июля бригады 1-го танкового корпуса генерала М.Е. Катуква медленно теснили войска противника в районе Редькино и прилегающих высот. В этот же день немецкие войска атаковали 15-ю мотострелковую, 107-ю, 109-ю и 164-ю танковые бригады 16-го танкового корпуса генерала М.И. Павелкина. Разгорелось ожесточенное танковое сражение. Оборона корпуса в считанные часы развалилась на отдельные очаги сопротивления, а управление было полностью нарушено. Причем германское командование так умело организовало удары, что бригады корпуса не могли помочь друг другу. 2 июля основные бои в полосе 16-го танкового корпуса развернулись в районе Васильевки. Это сражение было нами проиграно. Для 1-го танкового корпуса день 2 июля прошел в локальных боях с наступающими германскими частями. Но инициатива была у немцев, а наши танковые бригады действовали разнонаправленно. Поставленная 1-му танковому корпусу наступательная задача была не выполнена. В полосе 40-й армии обстановка продолжала осложняться. В ночь на 3 июля в районе Старый Оскол, Горшечное соединились передовые части 4-й танковой армии и 40-го танкового корпуса 6-й полевой армии вермахта. В окружение попали 6-я, 8-я, 227-я, 297-я, 301-я стрелковые дивизии 21-й армии и части 13-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и левофланговые соединения 40-й (212-я, 45-я, 62-я стрелковые дивизии, 141-я отдельная стрелковая бригада) армии Брянского фронта. Но так как «добыча» по германским меркам была мала (по немецким оценкам, в Старооскольском котле находилось около 50 тыс. чел.), сплошного фронта окружения немцы создавать не стали. Потери 17-го танкового корпуса генерал-майора Н.В. Фекленко составили **132 танка** (23 КВ, 62 Т-34, 47 Т-60). На 7 июля в 24-м танковом корпусе генерал-майора В.М. Баданова числился исправным 81 танк (12 КВ, 26 Т-34, 17 М3 «Стюарт», 26 Т-60). Потери: 12 КВ, 27 Т-34, 29 Т-60, 4 М3 «Стюарт», всего **72 танка**. В 16-м танковом корпусе осталось 20 боеспособных танков, еще 25 были эвакуированы на ремонтные базы. Из 88 «тридцатьчетверок» корпуса в строю осталось 6 боевых машин. За четыре дня боёв 16-й танковый корпус потерял **136** танка из 181. 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта Г.А. Мишулина лишился **163** боевых машин. Фактически полностью потеряли матчасть 14-я, 115-я, 116-я, 170-я отдельные танковые бригады. В «Журнале боевых действий» 24-й танковой дивизии вермахта в записи от 30 июня отмечено, что в районе Гологуловки 115-я и 116-я танковые бригады в своей основной массе уничтожены. Захвачено 28 танков (большой частью Т-34 и КВ). 1 июля были захвачены еще 23 танка [4]. 9-я и 11-я танковые дивизии вермахта в боях с 28 июня по 4 июля уничтожили 263 советских танка [5]. Суммарные потери в танках войск Брянского фронта в первой «Прохоровке» июля сорок второго года составили **719** единиц [6].

Вторая «Прохоровка» в июле сорок второго произошла через три дня в полосе того же Брянского фронта. В ночь на 4 июля командующий 5-й танковой армией генерал-майор А.И. Лизюков получил директиву Ставки о подготовке и проведении контрудара. В ней говорилось: «Ударом в общем направлении Землянк, Хохол (35 км юго-западнее Воронежа) перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшейся к реке Дон на Воронеж; действиями по тылам этой группы сорвать ее переправу через реку Дон. С выходом в район Землянк, Хохол помочь отходу левого крыла 40-й армии через район Горшечное, Старый Оскол на Воронеж...» [7]. Утром 4 июля на КП Брянского фронта прибыл начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский и сразу выехал в штаб 5-й танковой армии. Здесь он в присутствии начальника штаба фронта генерала М.И. Казакова уточнил задачу. В 5-й танковой армии имелся 641 танк, у противника севернее Касторное было не более 270 танков и САУ, которые уже в течение недели вели ожесточенные бои. При нашем численном превосходстве 9-я и 11-я танковые дивизии противника могли быть разбиты и войска левого крыла фронта получили бы возможность закрепиться на оборонительном рубеже западнее Дона. Операцию было приказано начать не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Директивой Ставки ВГК, полученной в 2 часа ночи 5 июля, в состав армии был включен 7-й танковый корпус (3-я гвардейская, 62, 87-я танковые и 7-я мотострелковая

бригады) полковника П.А. Ротмистрова (178 танков). 7-му танковому корпусу, переброшенному из Калинина, ставилась задача, указанная в директиве Ставки. 11-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, без 12-й мотострелковой бригады, должен был ударом в направлении Вислая Поляна, Казинка, взаимодействуя с 7-м танковым корпусом, овладеть Казинка, Долгое, Зацепино, а в дальнейшем – Верхнее и Нижнее Турово. 2-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева, без 2-й мотострелковой бригады, получил приказ наступать за 7-м танковым корпусом в направлении Перекоповка, Землянск, Хохол. 148-я танковая бригада этого корпуса в районе Нережа, Калабино обеспечивала оборону переправ у Задонска. 340-й стрелковой дивизии приказывалось к исходу 5 июля занять оборону на рубеже Виктория (Рублевка), отм. 110,6, имея один полк во втором эшелоне на северном берегу реки Дон в районе Верхне-Казачье [8]. При постановке задач корпусам генерал Лизюков ограничился повторением на карте той задачи, которую получил сам. Вслед за этим командиры корпусов также по карте поставили задачи командирам бригад. 5-я танковая армия в составе полевого управления, двух танковых корпусов, отдельных соединений и частей усиления только двигалась к местам сосредоточения, поэтому даже ее передовые бригады не могли начать операцию ранее 6 июля. Штаб армии был развернут в районе деревни Слепуха. Эшелоны 11-го танкового корпуса стали прибывать на станцию Долгоруково только к вечеру 5 июля 1942 года, а 2-й танковый корпус в это время еще начинал погрузку на станции Ефремов. 340-я стрелковая дивизия одним полком только к вечеру 6 июля заняла оборону южнее Задонска. После выгрузки из эшелонов 11-й танковый корпус вышел в район Ивановка, Вислая Поляна лишь к 02.00 7 июля. Весь предыдущий день его колонны бомбила немецкая авиация. 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10.00 7 июля, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково только в 11.00.

Командир 7-го танкового корпуса отдал приказ на нанесение контрудара только в 01.30 ночи 6 июля с задачей начать атаку в 06.00, то есть через четыре с половиной часа. Главный удар наносился в направлении Землянска, с дальнейшим развитием наступления на Хохол. Приданные 157-ю и 161-ю танковые бригады Ротмистрову «найти» не удалось, но 2-ю и 12-ю мотострелковые бригады разыскали. Утром 6 июля нанес контрудар 7-й танковый корпус, усиленный 19-й танковой, 2-й и 12-й мотострелковыми бригадами, имея две своих бригады во втором эшелоне и резерве. В ходе атаки соединения и части корпуса встретились с наступающей 9-й танковой дивизией вермахта, с которыми вели бой в течение всего дня. В результате сражения 7-й танковый корпус с приданными частями к исходу дня на участке Перекоповка, Каменка овладел правым берегом реки Кобылья Снова, но дальше продвинуться не смог. Противник закрепился на рубеже: лес 0,5 км восточнее Ивановки, южнее деревни Скаты, высота 218, высота 89; село Перекоповка. Немецкие танки действовали двумя группами: до 30 машин – на участке западнее Хрущево и до 150 – в районах Перекоповка, Каменка. Всего перед фронтом 7-го танкового корпуса и приданных ему частей, имевших 246 танков, действовало до 180 танков и САУ и полк мотопехоты противника, находящихся в основном в районе Перекоповка, Каменка. Отсутствие разведки и маневра привели к тому, что, столкнувшись с противником, которого наши войска превосходили численно (один немецкий мотополк против трех наших мотобригад и четырех мотобатальонов), 7-й танковый корпус 6 июля только немного потеснил врага. Позже выяснили, что через водную преграду имелось несколько пригодных для форсирования бродов, пользуясь которыми можно было легко обойти немецкие позиции с флангов. Значительная часть войск армии еще находилась в процессе сосредоточения. 66-й гвардейский минометный полк прибыл только утром 7 июля, 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10.00 7 июля, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково по достижении 11 часов утра. Вести активные боевые действия 7 июля могли 7-й и 11-й танковые корпуса с частями усиления. Реально имея в распоряжении два танковых корпуса, командующий 5-й танковой армией приказом от 7 июля в 03.30 поставил ближайшей задачей армии – уничтожение противостоящего противника в районе Ломовка, Перекоповка, Озерки (северные). Вместо организованной массовой атаки танков на фронте 12–15 км силами хотя бы четырех-пяти бригад, командиры корпусов вводили их в бой из маршевых колонн, с выделением передовых батальонов, по два батальона от корпуса.

Наступление корпусов свелось к действиям только передовых батальонов, а остальные силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации. Войска армии продолжали действовать очень вяло. Командир 11-го танкового корпуса приказ из штаба армии получил в 6.40 7 июля. 53-я танковая бригада его корпуса атаковала противника и к 15.00 овладела Хрущево. 59-я бригада в сражении не участвовала, так как искала брод и переправилась через реку Кобылья Снова только к 17.00. 160-я танковая бригада, стоявшая «в затылок» за 59-й, переправилась через речку еще позже. Таким образом, из всего 11-го корпуса бой 7 июля вела только 59-я танковая бригада. 7-й танковый корпус в середине дня вновь переправился через речки Кобылья Снова и Каменка, а к ночи опять оказался на ее левом берегу. 2-й танковый корпус, оставаясь в резерве, к 10.00 закончил свое сосредоточение, но в этот день боевых действий не вел. Попытки наступления 5-й танковой армии продолжались до 15 июля. Они привлекли на себя некоторые вражеские пехотные части, но разгрома его основных сил западнее Воронежа не получилось. По оценкам командования Брянского фронта, «провальные» результаты имели следующие причины: нерешительность действий командиров бригад, отсутствие организации разведки и маневра. В боях 6–15 июля соединения 5-й танковой армии потеряли: 7929 человек, **261** танк был сожжен, **258** было подбито [9]. 5-я танковая армия была расформирована. Лизюков с понижением был назначен командиром 2-го танкового корпуса, куда передали уцелевшие танки. 25 июля 1942 г. он погиб в бою. Генерал на танке КВ выехал в направлении деревни Медвежье. Когда танк подбили, Александр Ильич приказал экипажу покинуть танк. Автоматная очередь настигла его у башни. Могила первого командующего 5-й танковой армией долгое время была неизвестной, а сам Лизюков, по официальным данным, оставался пропавшим без вести. В 2008 г. были найдены останки генерала в братской могиле у села Лебязье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

Третья «Прохоровка» состоялась на Сталинградском фронте 25 июля – 3 августа у города Калач-на-Дону, Северная группировка 6-й армии Паулюса утром 23 июля атаковала правый фланг 62-й армии на фронте Клетская, Евстратовский, нанеся удар в юго-восточном направлении, а утром следующего дня немцы перешли в наступление также из района Перелазовский, Липовский на Манойлин. В ходе двухдневных ожесточенных боев к исходу 24 июля они прорвали фронт 62-й армии, окружив 192, 184-ю стрелковые дивизии и 40-ю танковую бригаду, и главными силами вышли в район Верхне-Бузиновка, Осиновка, Сухановский. К исходу 26 июля германские передовые части прорвались к Дону в район Малоголубая, Голубинский и Мостовский. 24 июля командование Сталинградского фронта приняло решение ликвидировать прорвавшуюся к Дону неприятельскую группу концентрическими ударами подвижных соединений из резерва фронта, а также частью сил 21-й и 62-й армий. Выполнение этой задачи возлагалось на сформировавшиеся 1-ю и 4-ю танковые армии, которые должны были нанести контрудар: 1-я армия генерал-майора артиллерии К.С. Москаленко из района Калач в направлении на хутор Липологовский 25 июля и 4-я армия генерала В.Д. Крюченкина из района станиц Трехостровская, Качалинская в направлении Верхне-Бузиновка 27 июля. Одновременно переходили в наступление ударные группировки 21-й армии из района Распопинская на Цымловский и 62-й армии из района Плесистовский, Добринский на Манойлин с задачей восстановить связь с окруженными стрелковыми дивизиями и танковой бригадой.

В 1-ю танковую армию входили 131-я и 399-я стрелковые дивизии, 13-й танковый корпус полковника Т.С. Танасчишина (157 танков и 10 бронемашин), 28-й танковый корпус полковника Г.С. Родина (178 танков) и 158-я отдельная тяжелая танковая бригада подполковника А.В. Егорова (40 КВ). Формально в армии числился еще 23-й танковый корпус (161 танк) генерал-майора А.М.Хасина, но до 30 июля он действовал на левом фланге 62-й армии вне оперативной связи с остальными соединениями 1-й танковой армии. В состав 4-й танковой армии входили 18-я и 205-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус (180 танков) генерала А.А. Шамшина. Однако все эти корпуса, бригады, дивизии не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не хватило времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря об отработке взаимодействия и управления. Согласно плану операции, 1-й танковой армии предписывалось переправиться через Дон в районе Калач-на-Дону и наступать в

направлении хутора Майоровский. Ближайшая задача – уничтожить прорвавшегося врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхне-Бузиновская, Манойлин. В дальнейшем предстояло наступать на хутор Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Войска Крюченкина не успевали сосредоточиться на исходных позициях в указанный срок, поэтому они должны были начать боевые действия 27 июля, продвигаясь из района Трёхостровской на Перелазовский. В ночь на 25 июля войска 1-й танковой армии в основном сосредоточились на восточном берегу Дона. 28-му танковому корпусу полковника Г.С. Родина приказывалось с утра 25 июля перейти в наступление, разгромить противника, преследовать его до Ново-Григорьевской и Логовского. 13-му танковому корпусу Танасчишина предстояло наступать в направлении Верхне-Бузиновская, Клетская. Во втором эшелоне армии за корпусом Родина следовали 158-я танковая бригада и 131-я стрелковая дивизия. Левее войск Танасчишина частью сил должна была нанести удар 62-я армия. С рассветом 25 июля 1-я танковая армия нанесла контрудар по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача-на-Дону. Завязалось встречное сражение 14-го танкового корпуса Витерсгейма с 1-й танковой армией генерал-майора артиллерии Москаленко. Несмотря на превосходство в силах, советские войска оказались в крайне невыгодных условиях. В первую очередь в результате нерешительных действий танковых бригад, отсутствия данных о противнике и абсолютного германского господства в воздухе. 28-го танковый корпус отбросил противника на 6–8 км от Калача-на-Дону. Воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых трех дней наступления сражалась по существу одна, противник сосредоточил против неё большую часть огневой мощи своей артиллерии и крупные силы авиации. 4-я танковая армия запаздывала с началом наступления, а 13-й танковый корпус по-прежнему вёл бои в районе Манойлина.

Удар на Верхне-Бузиновку 1-я танковая армия наносила лишь силами 28-го танкового корпуса. 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Дона, а 158-й тяжёлой танковой бригаде было приказано очистить от противника высоты западного берега Дона. Армия наступала в разные стороны и ни на одном направлении не могла прорвать немецкую оборону. Утром 26 июля 28-й танковый корпус возобновил наступление. Атака началась на рассвете, в 3 часа, до появления авиации противника. Рассчитывали, что удар будет стремительным и внезапным. Однако оказалось, что к его отражению вражеские войска готовились всю ночь. Они заняли выгодные рубежи, зарыли в землю танки, подтянули противотанковую артиллерию. Применили против наших танков 88-мм зенитные пушки. Атака, проведённая на рассвете частями 28-го танкового корпуса, успеха не имела. Вторая атака, предпринятая в 15 часов, также была отражена противником. 39-я и 55-я бригады понесли большие потери. Например, в 1-м батальоне 55-й танковой бригады на ходу осталось 9 танков. 158-я бригада потеряла 20 КВ сгоревшими и 5 – подбитыми. 13-й танковый корпус полковника Т.И. Танасчишина 26–27 июля наступал 166-й и 169-й танковыми бригадами на Манойлин и потерял 29 танков [10]. Между тем боевой приказ войскам армии требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхне-Бузиновку и далее на Клетскую. Невыполнение этой задачи привело к тому, что контрудар наносился по расходящимся направлениям. Положение было исправлено, когда в район хутора Манойлин прибыл генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В его состав была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, были выведены из боя и перенацелены на северное направление. Проведя разведку, войска корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе хутора Майоровский и установили с 184, 192-й стрелковыми дивизиями и 40-й танковой бригадой. К этому времени в корпусе оставалось на ходу 66 танков. За 7 дней боев 1-я танковая армия уничтожила и захватила 116 вражеских танков и более 90 орудий разных калибров. Противник потерял убитыми и ранеными до 14,5 тысяч солдат и офицеров [11]. В течение семидневных боев 23-й танковый корпус потерял подбитыми и сожженными **147** танков (90 Т-34, 35 Т-70, 22 Т-60).

На 6 августа в строю оставалось 6 Т-34, 5 Т-70 и 2 Т-60. За это же время корпус уничтожил 70 немецких танков, 9 противотанковых орудий и до 1600 солдат и офицеров противника. Корпус боевой задачи не выполнил, липологовской группировки противника

не уничтожил и 5 августа был вынужден перейти к обороне. Огромными (**133**) были и потери 28-го танкового корпуса, в котором после недели боев осталось 45 танков [12]. В тяжелых условиях проходил контрудар 4-й танковой армии генерала Крюченкина. К моменту отдачи боевого приказа в 20.00 26 июля командование 22-го танкового корпуса и входящих в него бригад еще не знали друг друга в лицо, а о материальной части танковых бригад командир корпуса генерал А.А. Шамшин узнал только вечером 26 июля. Но уже утром 27 июля корпус должен был переправиться через Дон и приступить к выполнению боевой задачи. К 27 июля в составе 176-й танковой бригады находились только штаб, танковой батальон и батарея ПТО, остальной состав бригады – два танковых и мотострелковый батальоны – были в пути следования по железной дороге. Танковые батальоны присоединились к бригаде 29 июля, а мотострелковый батальон только на четвертый день боев, 1 августа 1942 года. Общее количество танков, находящихся в составе 22-го танкового корпуса на 28 июля 1942 года, составляло 180 боевых машин. Начав переправу через Дон в 11.00 27 июля, части 22-го танкового корпуса завершили ее только к исходу 28 июля из-за неподготовленности переправ. На следующий день начались тяжелые бои. 29 июля при наступлении 182-й танковой бригады из-за недостаточной разведки местности первая атака с целью овладения Венцами сорвалась. При повторной атаке удалось продвинуться на 2,5 км. Наступавшая 29 июля на хутор Муковнинский 173-я танковая бригада вела бои без поддержки пехоты, потеряла 13 танков. 30 июля 182-я танковая бригада совместно с 5-й истребительно-противотанковой бригадой в 7.00 предприняла наступление на высоту 246,3. Первоначально бригада продвинулась на 3,5–4 км, но затем под ударами немцев она отошла на исходные позиции. Потери составили 19 танков. Бригада потеряла своего командира, потери личного состава составили 20 %. 173-я танковая бригада 30 июля наступала на Верхне-Бузиновку, имея 26 танков. Атака первоначально принесла успех, удалось подбить 9 немецких танков, но затем бригада была вынуждена отойти. Потери составили 7 танков. 176-я танковая бригада атаковала в направлении Осиновского. Предварительной разведки немецкой обороны проведено не было. В результате этого из 14 Т-34 и 8 Т-70 были потеряны 8 Т-34 и 7 Т-70, был также убит командир бригады. Следовавшая за ними колонна штаба под прикрытием 4 Т-34 и 3 Т-70 попала под обстрел противотанковых пушек противника с высоты 234,7. Два танка и семь автомашин были уничтожены. Однако даже после этого шести уцелевшим Т-34 и трем Т-70 удалось захватить высоту 234,7. Вечером 30 июля в район действий 22-го танкового корпуса прорвался 13-й танковый корпус в составе 22 танков и до 5000 человек из состава группы полковника К.А. Журавлева (остатки 184-й и 192-й стрелковых дивизий и 40-й танковой бригады 62-й армии).

30 июля к фронтовому контрудару также присоединился 23-й танковый корпус генерал-майора А.М.Хасина. В состав корпуса на 27 июля входили 99-я танковая бригада (17 Т-34 и 16 Т-70), 189-я танковая бригада (26 Т-34 и 16 Т-70) и 9-я мотострелковая бригада. В 9-й мотострелковой бригаде из 3258 человек по штату было 1190 человек. Из-за низкой укомплектованности бригада была оставлена на левом берегу Дона. В наступлении участвовала одна 189-я танковая бригада, а 99-я танковая бригада фронтом на запад прикрывала фланг корпуса. Потери 189-й бригады за день боя составили 11 Т-34 и 12 Т-70, т.е. больше половины первоначального состава. В полосе действий 1-й танковой армии ситуация была без изменений. Получившая маршевую роту в количестве 9 КВ, 158-я танковая бригада 31 июля атаковала в прежнем направлении, двадцать КВ прорвались в глубину обороны противника без пехоты. Десять КВ были сожжены. В 4-й танковой армии 31 июля остатки 184-й и 192-й стрелковых дивизий вели подготовку для дальнейшего наступления. Два десятка уцелевших боевых машин 13-го танкового корпуса были сведены в 169-ю танковую бригаду и подчинены командиру 22-го танкового корпуса генералу А.А. Шамшину. 2 августа в направлении на Муковнинский, Верхне-Бузиновка перешли в наступление бригады 22-го танкового корпуса во взаимодействии с остатками 184-й и 192-й стрелковых дивизий.

Наступление впервые осуществлялось совместно танками и пехотой. 182-я танковая бригада имела в своем составе 6 Т-34, 5 Т-70 и 8 Т-60. В ночь на 3 августа ей удалось продвинуться на 3,5 км и закрепиться на отметке 4 км северо-восточнее Муковнинский, который она удерживала до 4 августа. 173-я танковая бригада наступала на южную окраину

Муковнинского, но продвинуться из-за сильного огня противника ей не удалось. 169-я танковая бригада наступала на южную окраину Верхне-Бузиновки. Закрепиться ей удалось только на западных скатах высоты 230,0. 176-я танковая бригада в составе 4 боеспособных танков действовала совместно со 184-й стрелковой дивизией в районе хуторов Горюшков, Глазков. Это наступление имело незначительный успех. Стрелковые части, действовавшие совместно с танками, при первом же огневом сопротивлении противника приостанавливали наступления, оставляя танки одни. Наступающие порядки слабо поддерживали артиллерия и авиация. В то же время немецкая авиация господствовала в воздухе.

5 августа в 6.00 22-й танковый корпус и 205-я стрелковая дивизия предприняли наступление в направлении Венцы, Свечниковский, Майоровский с целью выхода в тыл верхне-бузиновской группировки немцев. 182-я танковая бригада в составе 9 танков и 160 мотострелков во взаимодействии с 721-м полком 205-й стрелковой дивизии вышла на рубеж 1 км западнее дороги Венцы, М. Янки, но затем под ударами немцев отошла на исходные рубежи. Потери составили 6 танков, были убиты и ранены 50 человек. 173-я танковая бригада, имея в своем составе 11 танков, во взаимодействии с 731-м стрелковым полком к 16.00 5 августа вышла на рубеж 1 км северо-западнее Венцы. 176-я танковая бригада находилась в резерве, имея 2 Т-34 и 3 Т-70. 8 августа 173-я и 176-я танковые бригады 4-й танковой армии передали исправные танки в состав 182-й танковой бригады, которая после этого располагала 20 боевыми машинами (7 Т-34, 4 Т-70, 9 Т-60). Потери корпуса в танках составили **160** единиц. В 23-м танковом корпусе на 6 августа 1942 г. насчитывалось 13 танков (9 Т-34 и 4 Т-70) и 267 мотострелков. Потери корпуса - **148** танков. В 39-й и 55-й танковых бригадах 28-го корпуса оставались 1 и 2 танка соответственно, в 32-й мотострелковой бригаде – 1730 человек. Потери 28-го танкового корпуса составили **167** боевых машин. Самой боеспособной оставалась 158-я отдельная танковая бригада подполковника А.В. Егорова, которая благодаря круглосуточной работе ремонтников к 7 августа сохранила в строю 12 КВ из 49 имевшихся. Если суммировать потери бронетехники в танковых корпусах и в 158-й и 40-й отдельных танковых бригадах, с учетом 252 танков (126 Т-34 и 126 Т-60) из состава 644, 645, 648, 649, 650, 651 отдельных танковых батальонов 62-й армии, потерянных в боях в конце июля – начале августа, то итоговая цифра составит **944** боевые машины [13]. 11 августа командующий 6-й полевой армией вермахта Фридрих Паулюс доложил в штаб группы армий «Б» об уничтожении западнее Калача более 1000 советских танков. К 6 августа 1-я танковая армия потеряла большую часть своего состава и была расформирована. Ее остатки были подчинены 62-й армии. 4-я танковая армия сохранила свое название, но пополнения для танковых частей не получила и бойцы иронически называли ее «четырехтанковая армия». Несмотря на большие потери, 1-й и 4-й танковым армиям удалось предотвратить окружение 62-й армии и остановить продвижение 6-й армии к Сталинграду.

Выводы. Танковые сражения в июле сорок второго года были проиграны советскими войсками и на долгие десятилетия оставались в тени других событий Великой Отечественной войны. Главными причинами неудачного исхода этих сражений и катастрофических потерь в бронетехнике были: - танковые армии (1-я, 4-я, 5-я) и отдельные танковые корпуса вводились в бой «с колес», по частям, без прикрытия авиацией, без поддержки артиллерии и инженерно-саперных войск. Боевые задачи корпусам командующими танковыми армиями ставились по карте, без рекогносцировки местности. Командиры корпусов также по карте ставили задачи командирам бригад. Командирских рекогносцировок в бригадах и батальонах не проводилось;

- нерешительные наступательные действия велись только в полосе известных переправ; при отсутствии наземной и воздушной разведки. Вражеские опорные пункты атаковались «в лоб», без маневра и фланговых ударов;

- вместо организации одновременной атаки массой танков на фронте 12–15 км, командиры корпусов вводили бригады в бой из маршевых колонн, с выделением передовых батальонов, примерно по два танковых батальона от корпуса. Наступление танковых корпусов свелось к боевым действиям передовых батальонов, а остальные силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации при ее абсолютном господстве в воздухе;

- все корпуса, бригады, дивизии 1-й и 4-й танковых армий не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не было времени даже

познакомиться с собственными войсками, не говоря уже об отработке взаимодействия и управления. Разведки немецкой обороны проведено не было;

- стрелковые части, действовавшие совместно с танками, при первом же огневом сопротивлении противника приостанавливали наступления, оставляя танки одни. Наступающие боевые порядки слабо поддерживали артиллерия и авиация. Взаимодействия танков с артиллерией и авиацией организовано не было. Данная статья – начало тщательного исследования танковых сражений на советско-германском фронте летом 1942 года.

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 38. Оп. 80038 сс, Д. 36, ЛЛ. 252–266.
2. ЦАМО РФ. Ф. 48А. Оп. 3408. Д. 71. Л. 430.
3. ЦАМО РФ. Ф. 96А. Оп. 2011. Д. 26. ЛЛ. 103-113.
4. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 674. ЛЛ. 8, 9, 11.
5. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 245. Л. 49.
6. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 245. Л. 104.
7. Казаков М.И. На воронежском направлении летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. с. 39.
8. ЦАМО РФ. Ф. 331, Оп. 5041, Д. 18. ЛЛ. 1–2.
9. ЦАМО РФ. Ф. 331, Оп. 5041. Д. 18, Л. 2-4.
10. ЦАМО РФ. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 11. ЛЛ. 9-10.
11. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 175.
12. ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 10. Л. 4.
13. ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 8. ЛЛ. 302–303; Д. 18, ЛЛ. 233–234.

References:

1. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (dalee – TsAMO RF). F. 38. Op. 80038 ss, D. 36, LL. 252–266.
2. TsAMO RF. F. 48A. Op. 3408. D. 71. L. 430.
3. TsAMO RF. F. 96A. Op. 2011. D. 26. LL. 103-113.
4. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 674. LL. 8, 9, 11.
5. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 245. L. 49.
6. TsAMO RF. F. 500. Op. 12462. D. 245. L. 104.
7. Kazakov M.I. Na voronezhskom napravlenii letom 1942 goda // Voenno-istoricheskii zhurnal. 1964. № 10. s. 39.
8. TsAMO RF. F. 331, Op. 5041, D. 18. LL. 1–2.
9. TsAMO RF. F. 331, Op. 5041. D. 18. L. 2-4.
10. TsAMO RF. F. 3430. Op. 1. D. 11. LL. 9-10.
11. TsAMO RF. F. 220. Op. 220. D. 71. L. 175.
12. TsAMO RF. F. 345. Op. 5512. D. 10. L. 4.
13. TsAMO RF. F. 220. Op. 220. D. 8. LL. 302–303; D. 18, LL. 233–234.

УДК 94(47)

«Три Прохоровки» в июле сорок второго...

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
научный сотрудник

Аннотация. Летом 1942 года на южном крыле советско-германского фронта произошло несколько танковых сражений, сопоставимых с танковым сражением под Прохоровкой 12-13 июля 1943 года. О трех «Прохоровках» в июле сорок второго рассказывается в данной статье.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советско-германский фронт; танковые сражения летом 1942 года.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi sbornik. Russian military journal

UDC 94(47).084.8

Mius-front: German Defense Line in the South of the USSR and Its Features (1941-1943) *

¹ Evgeny F. Krinko

² Maxim V. Medvedev

¹ Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Doctor of History

² Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

41, Chekhova Prospekt, Rostov-on-Don 344006

Intern Researcher of the Laboratory of History and Ethnography

Abstract. The paper is concerned with the Mius-front – German defense line with the total length of 104 km, constructed during the Great Patriotic War. The major part of it ran along the right bank of the Mius River, which gave its name to the defense line. Within the fifteen months, from October, 1941 till June, 1942 and from February till August, 1943 Mius-front was the ground of sanguinary battles between the Red Army and Wehrmacht. Nevertheless, it became the subject of research only in modern historiography.

Originally Mius-front was constructed as the system of field fortifications, aimed to deter Soviet winter counterattack in 1941. In 1942 and, especially, in 1943 the enemy upgraded defense fortifications. Permanent defense fortifications were built in Priasov'e and Primius'e in accordance with the military and engineering demands of the time. German Command managed to use the natural features of the site, having tied them to the system of gun, mortar and machine-gun fire.

Mius-front deferred the advance of the Soviet troops, which suffered great casualties during its assault, to the west. Soviet-German confrontation in Priasov'e and Primius'e reflects the general battle actions during the Great Patriotic War to the large extent. Having gained the advantage in warfare preparation, conduction, planning and maintenance, the Soviet troops managed to breach the defensive line of the enemy. Declassified archive documents, recalls by the witnesses and field data enabled to reconstruct the history of construction and fortification features of Mius-front, reconsider its role in the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Wehrmacht; Mius-front; fortification; Southern front.

Введение. Накануне Второй мировой войны в военно-инженерном искусстве многих европейских странах главное внимание уделялось созданию систем долговременных приграничных укреплений, призванных не допустить вторжения войск противника на свою территорию. Крупнейшими и наиболее известными из них стали линия Мажино (1929–

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.